

**ГАЛИНА
ЩЕРБАКОВА**

АХ, МАНЯ

Галина Николаевна Щербакова
Ах, Маня

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=162579

Нескверные цветы: Эксмо; Москва; 2009

ISBN 978-5-699-34681-3

Галина Щербакова

Ах, Маня...

Маня Гейдеко блажила. Она устраивала праздник в честь выхода на пенсию с песнями, танцами, маскарадом и фейерверком. Именно так – золотом по белоснежному гляncу – и было написано. Лидия прочла и ахнула. Во-первых, кто ей это все отпечатал? В институте просишь, просишь: хоть на серой газетной бумаге, хоть на обойной, хоть на туалетной – отпечатайте Христа ради для дела. Посинеешь в борьбе с издателями, проклянешь все на свете, а тут – вязь, блеск, рамочка, цветочки плюс фейерверк.

Ах, Маня!

Еще бы на свадьбу, а то – на пенсию. На какие шиши? Это было второе, о чем подумала Лидия. И с этим вторым сразу пришло не осознанное еще раздражение. Ладно, пусть! Хочешь блажить – блажи! Но время костра и маскарада можно было согласовать? Что они – вольные рантье? Богатые писатели, не отягощенные режимом жизни? Они еще даже не пенсионеры! Но стоило только осознать раздражение, стоило чуть приподняться крышечке у закипающего чайника, как Лидия поняла: Маня поступила агрессивно, как всегда, но и правильно. Ну начни она с ними, с ней и Сергеем, согласовывать место и время? Что бы вышло? Тогда нельзя, потому что то-то, то-то и то-то... В другой раз снова нельзя, теперь

уже – это, это и это... В третий – просто никакой возможности, так как... В-четвертых, как это могло прийти тебе в голову, Манечка, дорогая, вообще... Никогда бы не вышла Маня на пенсию, начни она утрясать этот вопрос с племянниками. Она поставила их перед фактом, перед глянцем с маскарадом, и в этом она была тысячу раз права.

И тогда Лидия заплакала. Потому что вот тут и пришло самое главное, что должно было прийти с открыткой, – жалость, боль за тетку, которая фейерверком ставит точку на жизни. Что она станет делать? Что? Лидия помнила, как Мане исполнилось пятьдесят пять. Она уже тогда подумала, как же теперь будет? Но Маня приехала в Москву и высмеяла Лидины деликатные опасения. «Какая там пенсия? – сказала она. – Окстись! Я нормы ГТО сдавала по тридцатилетнему возрасту. Не веришь? Я их так всех обставила! И в беге, и в прыге...»

А вот теперь ей шестьдесят – и пожалуйста на фейерверк... «Господи, какой фейерверк, откуда он может взяться? – опять подумала Лидия. – Хотя, пардон, а эта глянцева бумага откуда взялась?»

В троллейбус – у нее был сегодня экзамен – Лидия садилась уже с четкой мыслью подарить Мане стеганный нейлоновый халат за 45 рублей и хороший сервиз, рублей за сто. Надо только согласовать все с Сергеем. Чтоб он придумал что-нибудь другое. Сервиз определенно придет и ему в голову, и его Мадам. Так что надо застолбить все заранее. Свобод-

ным было место возле окошка. Лидия подставила лицо будто бы свежему воздуху и закрыла глаза. Тридцать пять минут до пироговских улиц – это было ее личное, отстраненное от жизни время. О чем только не передумывалось за эту дорогу! Тут она придумывала неакадемичные, разрушающие каноны лекции по литературе второй половины девятнадцатого века, здесь она размещала вещи в огромной солнечной двухэтажной квартире, которой у нее не было. В дороге она разводилась с мужем ради необыкновенной любви, знал бы бедный Лева об этом. Здесь же она начинала жить по-новому – раскованно, легко, уверенно, современно... Тридцать пять минут – огромное время для фантазирующей женщины, кандидата наук, прекрасное время полного отчуждения и преображения, после которого – оказывается! – совершенно просто было шагнуть с подножки троллейбуса в жизнь обыкновенную и даже убедиться, что она – эта жизнь – в общем-то, вполне ничего по меркам людей порядочных, интеллигентных и не очень требовательных. А тридцать пять минут фантазий – так это своего рода легкое забвение от современного быта. Будь он проклят! И сейчас, закрыв глаза, Лидия приготовилась нырнуть в нечто совсем нереальное, яхту там, ну, машину на крайний случай. Но поняла: ничего в этот раз не будет, и хоть она еще до троллейбуса все решила и с сервизом и с халатиком, Маня не с Багамских островов завладела ее мыслями, и это было так на нее похоже.

...Мама их умерла в сороковом году. Лиде было восемь

лет, Сережке три. Мане тогда был двадцать один год, она училась на рабфаке и жила в рабочем общежитии, готовясь поступить потом в индустриальный институт. Лидина мама очень любила младшую сестру, но считала ее слегка ненормальной. Может, потому и любила как-то особенно нежно. Уже потом, вспоминая детство, Лидия думала: очень это было тогда заметно, что к Мане отношение было непростое. Обыкновенные отношения она вряд ли смогла бы запомнить. А тут запомнила. Вот мама дома кормит Маню, а та что-то рассказывает горячо, страстно, размахивая ложкой, а мама кивает головой и гладит ее стриженные волосы: «Ешь, дурочка, ешь...» И «дурочка» сказано хоть и с нежностью, но и с полным соответствием, на мамин взгляд, с истиной. А вечером мама отцу: «Маня приходила. Ну блаженная, чисто блаженная! Ей бы замуж, хоть за кого, а она в тир... С колена, говорит, стреляю в десятку, а лежа все мимо». Лидия запомнила, что отец сказал: «Ей бы не с ружьем ложиться...» – «Тс-с-с...» – оборвала его мама, но Лида, в общем-то, поняла, о чем говорил отец. Ей стало стыдно за отца, а главное – обидно за Маню, которая в том, сороковом, году была самым интересным человеком в жизни Лиды.

А потом в одночасье умерла мама. Не знает, не помнит Лида, сколько прошло после этого времени, а помнит, как со всех сторон стали говорить: хорошо бы Николаю, отцу, жениться на Мане, это, мол, и по совести, и по жизни.

Отец же «стал столбом». Сказал: «Кто угодно – кривая,

косая, бритая – только не Маня...» А так как сила народа – сила великая, то отец Лидин, боясь быть раздавленным всеобщим натиском – «уговорят, окрутят, женят, это же не улица, а кавалерия на марше!» – решил из поселка уехать. Тогда все говорили – Шпицберген, Шпицберген. Он и решил податься. А Маня переехала к ним, пока он не сумеет забрать детей. А через три месяца началась война. Боже, что делалось с Маней! Ей же на фронте полагалось быть, она же была ворошиловский стрелок, а у нее дети на руках малые. Винаватой она себя чувствовала и обделенной, но в детдом их не сдала, а эвакуировалась с ними, выхаживала из хвороб, из вшей, сама не ела, а им отдавала, короче, была матерью еще лучшей, чем мать, потому что всегда помнила, что она не родная, и очень боялась чего-то для них не сделать. И все это вместе с кипучей деятельностью по спасению, устройству, кормлению всяких других эвакуированных детей.

Они с Сережкой болели часто от Маниного усердия. Кого только не подкладывала Маня «под бочок своим» – ребятишек из Ленинграда, из Минска, из Киева и Смоленска, здоровых, не очень и совсем больных, пока ей не сказали сурово: разве так можно, мамаша? Ваша самоотверженность, знаете, на что похожа? И снова Маня рыдала: на фронте ей место, в разведке, она понятия не имеет, как выглядит свинка или скарлатина. Она сама ничем не болела. У нее только ожог был на ноге, и все. Одно могло возместить ей невозможность сражаться на фронте – двадцать четыре часа ра-

боты в сутки. Но не любой работы. А самой неблагодарной. Той, за которую не платят и спасибо не говорят. Где самая вонь и грязь. Вот надо стоять неизвестно сколько на морозе с транспарантом в руке, ожидая прохождения на запад воинского эшелона – стоит Маня. Сумасшедший дом привезли – Маня его обихаживала. Беседы с женщинами, изменившими мужьям, Маня вела. За что была неоднократно выгоняема из домов. Маня была прессовщицей, Маня была в ударной бригаде, прокладывающей рельсы к новому металлургическому цеху, выросшему вдалеке от железной дороги. По ночам она была истопницей в госпитале, а уходя утром, брала в стирку, что давали, что можно было стирать без стерилизации, а просто на совесть. Маня вела стрелковый кружок в школе и хоровой в техникуме, Маня рисовала и вырезала всех зверей для детского сада, где был Сережка. Странные это были звери, потому что Маня художницей не была, а где найдешь художника за так? Пусть лучше будут Манины кошки с кроличьими ушами, утки на четырех ногах, курицы, похожие на страусов, и страусы, похожие на кенгуру. И, ко всему прочему, каждое утро Лида надевала чистые трусики, ноги у них всегда были сухие и был кусок хлеба, иногда даже с сахаром. Выдюжили!

А когда уезжали в уже освобожденный поселок, выяснилось: Манина беспорядочная полезная деятельность в тылу определила всю ее дальнейшую жизнь. Ее взяли в райсовет организовывать просвещение и культуру. Лидия помнит, как

они устраивались в маленькой казенной квартирке – кухня и комната, как втроем выкладывали дорожку – кирпич елочкой – к уборной, а соседи смотрели и не понимали: а елочкой зачем? Что за фокусы? Не все ли равно, по какой дороге туда идти?

А потом приехал отец. И прежде «здрасьте» сказал, что женат. Уже будучи взрослой, Лидия, сопоставив кое-какие факты, поняла, что тогда отец еще женат не был. Но он все еще боялся натиска улицы – кавалерии, хотя улица уже была другая, а самое главное – Маня была уже не та, что до войны. Она к тому времени стала какой-то старой по облику женщиной с небрежным пучком на затылке, с сетью морщин вокруг глаз и рта, кое-как одетая, но такая до жути самостоятельная, что никто не мог и представить ее замужем. Нелепо это казалось. Она, как полагается родственнице, приняла отца душевно, и стол накрыла по тем послевоенным временам хороший, и весть, что отец женат, приняла доброжелательно. Тогда они и поделили детей. Отец забрал Сережку, а Лидия осталась у Мани. Было это и радостно, и обидно сразу. Опять же, взрослой, Лидия еще раз пережила эту обиду, когда сама уже стала матерью. Ведь естественней – казалось – взять того ребенка, который хорошо тебя помнил. Ее, дочь. А Сергей ведь отца, считай, не знал, он с Маней вырос. Но отец выбрал его, потому что сын?.. Но тогда Лидия не могла себя представить без Мани. И отец с Сережкой уехал. Встретились они уже через много-много лет. Сергей женился на

москвичке и переехал в Москву, а она, Лидия, уже работала здесь после института, была замужем, жила в выгороженной шкафами каморке у мужниных родственников. Пришла в гости к Сергею в квартиру, которая показалась ей фантастической: три комнаты, коридор – хоть на велосипеде катайся, – а из комнаты вышел толстый старый мужчина и стал ее обнимать. Невероятно, она чуть не закричала, а это был отец. Он сказал: «Я к сыну в гости». Одной этой фразой он все раз и навсегда поставил на место. Жена его с любопытством разглядывала Лидию, а потом сказала: «Коля, давай Лидочке манто купим, а то у нее никакого вида». Манто купили. Цигейковое коричневое манто на вырост. Что с того, что Лидия уже не росла? Она все равно была ему рада, а Лева шутил: «Когда нам станет совсем невмоготу в шкафах, уйдем и будем жить в твоём манто». Сергею отец тогда же подарил деньги на машину. Сергей был его сын, а Лидия была Манина. И манто было подарком бедной родственнице – не дочери. Так отношения складывались и все последующее время. Отец приезжал к Сергею, Лидию приглашал слевой и Наташкой в гости, вручал им сувениры с Севера, иногда отец навещал и их, они тоже ему что-то дарили, и все. Зато Маня приезжала к ней, и тогда Сергей приходил со своей Мадам, и Маня раздавала свои сувениры, по куску сала каждому, по баночке малинового варенья, и все строго поровну – Лидии и Сергею. Приезжала Маня, как правило, не одна, а с кем-нибудь. То это были девочки, которым надо показать

музей, то мужик, у которого жалоба лежит в прокуратуре, а там «ни тпру, ни ну». То с какими-то тетками, которым надо в ГУМ, ЦУМ или записаться на ковры. Смешно сказать, но когда Лидия защитилась, на первые кандидатские деньги она купила пододеяльники, простыни и наволочки. Они слевой называли это белье – «белье имени Мани Гейдеко». Оно всегда было чистым и лежало на случай «налета».

...Сергей позвонил ей первый.

– Слушай! – закричал он. – Что будем делать с фейерверком?

Не успела Лидия сказать про сервиз и нейлоновый халатик, как он выдвинул предложение:

– Поедем на машине, а? Привезем оттуда чего-нибудь. Я рвану по деревням, купим товар по дешевке. Давай рассматривать поездку как на базар, а?

В предложении был весь Сергей. Базар и товар. Лидия вслух обвиняла в этом его жену Ольгу, в просторечии Мадам. Но знала – это неправда. Ольга, конечно, тоже базар и товар, но они, что называется, нашли друг друга. Сережечку так воспитал отец, и теперь задним числом Лидия благословляла судьбу, что тогда осталась с Маней. Конечно, противно считать копейки до получки, конечно, лучше, когда деньги есть, чем когда их нет... Но... Хотела бы она быть, к примеру, на месте Мадам? Вот так – раз! – и по волшебству в богатую квартиру, где, по словам Лидиной подруги, «крепко пахнет золотом». Надо ей, Лидии, чтоб так пахло? Золо-

том! В Лидии подымалось нечто из глубины души, что было вскормлено хлебом с остюками и макухой на десерт, и это нечто из глубины не принимало ни Сергея, ни Мадам, ни их пахнувший золотом дом. Что это, думала Лидия, что? Я ведь хочу иметь столько денег, чтоб и одеваться хорошо, и ездить по белу свету. Хочу, но ведь и не хочу! Лидия знала, что это в ней клубилось Манино воспитание. Воспитание, в котором в божницу был поставлен принцип «не в деньгах счастье». Мания могла бесконечно в вариациях иллюстрировать радость бесребреничества и стыдность золота. Она была виртуозным демагогом по части доказательства своей доктрины и преуспела в этом. Ведь купила же Лидия эти простыни для бесчисленных Маниных протеже, кормила же их, отвозила к открытию ГУМа, а Мадам смеялась: «Гони их в шею вместе с Маней. Ты что, постоялый двор? Дом приезжих? И потом, завтраки и ужины ведь твои? Я тебя не понимаю, подруга!»

Лидия сама себя не понимала. Потому что, хочешь не хочешь, на все фантастически альтруистическое в ней, что было от Мани, накладывалась действительность, в которой и денег не хватало, и Наташка росла и требовала расходов без учета повышенной совестливости родителей, и не раз, и не два Лидия мысленно ругала Маню за то, что та дала ей в дорогу жизни не те доспехи. Надо бы что-нибудь попроще для дня сегодняшнего, чем чистая, дистиллированная совестливость. Конечно, добродетель сама себе награда, но временами это как-то не утешает. Прости меня, Господи!

– ...Я поеду поездом, – сказала она Сергею. – А ты как хочешь.

– Как хочу, как хочу, – проворчал Сергей. – Ехать – так вместе. – И уже другим тоном добавил: – Ольга предлагает отвезти тете Мане самовар.

Ольга есть Ольга. Мадам, одним словом. В их доме был переизбыток самоваров. Когда-то первый получили в подарок, а потом случай обозвали «хоббем». И пошли в дом самовар за самоваром. Но последние годы самоварная страсть поутихла. Шикарной, чтоб другим в нос, коллекции не получилось, а абы какая – кому теперь интересно? Пришла пора потихоньку сбывать самовары разным людям на дни рождения и юбилеи. Лидия свой самовар уже получила в сорокалетие. Теперь пришла очередь получать самовар Мане.

Маня вывесила флаг и с радостным удивлением его разглядывала. Старый, и выгоревший, и по древку истертый, он сейчас, поднявшись в единственном числе на улице, гляделся ну просто молодцом.

– Он-то к чему? – спросила Зинаида.

– Мой флаг, мой дом и мой праздник, – ответила гордо Маня.

– Сейчас придет Егоров и все тебе объяснит, – покачала головой Зинаида. – Что твое, а что не твое.

Маня хотела ей ответить как надо, но вспомнила, что перед ней Зинаида, не кто другой, поэтому с ответом обошлась

осторожно.

– Зато красиво, – сказала она. Решив, что это-то бесспорно, а потому может быть завершением темы, она еще раз посмотрела на молодящийся на теплом ветру старый флаг и пошла по хозяйству.

Шесть разномастных столов, собранных у соседей, стояли торцами один к одному во дворе. Они тоже выглядели весело и живописно, потому что были покрыты разными скатертями, а два, в середине, даже клеенками. Дворик у Мани маленький, вплотную примыкает к забору, что огораживает общежитие. Между двумя акациями Маня натянула старенькое марселевое одеяло – прикрыла уборную. Одно только слово – прикрыла. Маня понимала, что получилось все наоборот. Теперь все будут заглядывать, что там за одеялом? Но она решила: пусть это ее приспособление будет поводом для смеха, чем возможные разговоры, что она столы поставила так неудобно. Захочешь кой-куда, а не воспользуешься. А если совсем честно, то на разговоры Мане было плевать. Все дело в том, что приедет Лидия и будет сокрушаться, что она так и не добилась квартиры с удобствами, а теперь уже и тем более... От всего этого сама Лидия расстроится, начнет глотать валокордин, а Маня будет смотреть на эту немолодую уже женщину и думать, что только рядом она начинает сознать, сколько ей лет самой. В общем, лучше прикрыть уборную марселевым одеялом. Пусть все смеются.

Зинаида считала ножи и вилки.

– Хватит? – спросила Маня.

– По мне, так останется, – ответила Зинаида. – Почти полсотни. Я думаю, столько и не соберется.

Маня так не думала. Опять же Зинаиде не объяснишь, что пятьдесят гостей на шестьдесят лет это ерунда. Сто пятьдесят – и то мало. Если учесть, что она разослала сто семьдесят приглашений. Уже пришло два десятка ответов. Ах, Маня! Спасибо и прочее. И еще придут. Но должны же найтись и люди, что придут, приедут сами. Иначе не стоило жить... Сегодняшнего поезда Маня ждала особенно. Праздник назначен на завтра. Завтра утром тоже будет поезд, но сегодняшний – главный. Им приедут Лидия и Сережа. Маня повесила елочную гирлянду между углом дома и сливой. Теперь еще надо над столом, там, где обычно висит веревка с бельем, а разноцветные бумажные флажки к воротам. Но в воротах уже стоял Егоров и смотрел на флаг.

– Что это у тебя, Мария Григорьевна? – спросил он.

– А ты догадайся, – засмеялась Маня.

– А я и догадался, – ответил Егоров. – Догадался и в календарь полез, что, думаю, за красный день у нас. Полез, а там ничего.

– Да ну? – засмеялась Маня. – Значит, еще не успели написать, что Мария Гейдеко выходит на пенсию. Ты не волнуйся – напишут.

Егоров был человеком военным и серьезным. То, что улица выбрала его уполномоченным, он считал не просто пра-

вильным решением, а единственно правильным. Ибо кто, как не он? Егоров себя уважал, он уважал свою военную пенсию, уважал само свое пребывание на земле. На белом свете не существовало понятий и явлений, которые Егоров знал бы плохо. Он ничего не знал плохо. Поэтому он пришел к Мане настолько без сомнения, что Манины шуточки про календарь (надо же такое ляпнуть – напишут!) показались ему невероятно глупыми и неуместными. Как можно шутить по поводу печатной, завизированной, проверенной кем надо продукции?

– Сними флаг, – строго сказал Егоров. – Это дело политическое.

– Помоги мне лучше. – Маня вложила ему в руки кончик ниточки с подвешенными шариками. – Ты – к этому гвоздику, а я – к этому.

Егоров чувствовал, что выглядит нехорошо. Брюки на нем военные, с кантом, а в руках шарики, как у какого-нибудь штатского придурка. И тянет он эти шарики к гвоздику, указанному Маней Гейдеко, и даже закручивает ниточку вокруг него, а эта самая Гейдеко, воспользовавшись такой его пораженческой позицией, говорит ему совершенно несусветные вещи.

– Я, Егоров, – говорит она, – имею право вывесить свой красный флаг, когда хочу. Что тебя в этом не устраивает? Что в моем календаре больше праздников, чем в твоём? Так это, Егоров, недостаток твоего календаря, а не моего.

Егоров был ошеломлен. Он недавно демобилизовался, недавно купил дом на этой улице. К нему здесь великолепно относились, звали «наш генерал», хоть он генералом не был, а ушел на пенсию в чине майора. Тоже, конечно, не мелочь. Но никто никогда за все его шестьдесят лет не сказал ему, что в жизни его были недостатки. Недочеты были, но недостатки? Или это опять юмор?

– Приходи, Егоров, завтра, – сказала Маня. – Народу будет тьма. Попоем!

– Я официально предлагаю снять флаг, в противном случае я вынужден буду доложить по инстанции. – Егоров мобилизовался.

– Докладывай, – согласилась Маня. – Мне даже интересно посмотреть, что из этого получится.

Индюк надутый, – сказала она Зинаиде, когда Егоров ушел. – Ать, два...

Зинаида молчала. Она знала, что Егоров придет снова. Знала, что теперь он начнет большую деятельность «по снятию Маниного флага». У нее издавна нюх на таких людей. Он только приехал смотреть дом, она его поняла. Он ходил, вымеривал двор, все ему казалось, что соток не хватает. Хозяин оправдывался, перед такими людьми всегда оправдываются, цену даже снизил, испугался, когда Егоров через двое очков стал изучать всю документацию.

– Я бы с ним не связывалась, – сказала Зинаида Мане.

И снова хотелось Мане возразить, но она не стала. Непро-

сто ей с Зинаидой, непросто, разные у них в жизни объяснения фактов.

В Никитовке Лидия и Сергей взяли такси. Сергей тут же не преминул: были бы на своей машине... но Лидия махнула на него рукой. Он и в поезде раз десять муссировал тему: могли ведь чего-то привезти отсюда. Юг все-таки, Украина.

– Балда, – говорила ему Лидия. – Сейчас всюду все по одной цене. Произошло справедливое выравнивание по высшей цифре.

– Так это на рынке, – канючил Сергей. – А я бы по деревенькам, я бы потряс ленивых хозяев, которые на базар не ездят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.